

Л.Б. Бадмаева

ФОРМЫ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА В ЯЗЫКЕ ЛЕТОПИСИ
ВАНДАНА ЮМСУНОВА

Формы множественного числа в бурятских исторических хрониках изучены довольно подробно¹. Исследователи, обозревая общий состав и употребление показателей множественного числа, обнаружили в бурятских летописях некоторые отклонения от норм их употребления в классическом монгольском языке. В частности, Д.-Н.Д. Доржиев отметил замещение формантов множественного числа -s, -d разговорным бурятским вариантом -s̄, широкое употребление -d, -nud вместо -s и -nuхud, употребление -ud после всех согласных, а также -nar для обозначения множественности неодушевленных понятий².

Ц.Б. Цыдендамбаев в своей работе подробно остановился на особенностях употребления показателей множественности в бурятских исторических летописях, заметив, что в бурятских хрониках наблюдаются: 1) употребление одного форманта вместо другого (вм. -d - -s, nuхud, вм. -d - -nar), 2) дополнительное употребление показателей -lid, -siyul (разг. ̄siul), 3) использование разговорного варианта -nuхud/-nügüd--nud/nüd³.

На основе изучения форм числа имен в языке бурятских летописей, в бурятском разговорном и литературном языках Ц.Б. Цыдендамбаев выдвинул весьма оригинальную точку зрения по этой проблеме. По его мнению, в монгольских языках отсутствует единственное число. В связи с этим в них нет и грамматической категории числа, трактуемой как оппозиция между единственным и множественным числом имен. Формы множественного числа образуются на базе основы имен, не имеющей числовой маркировки. Поэтому в отношении этих языков уместно говорить не о категории числа, а лишь о категории множественности⁴.

В то же время большинство исследователей придерживаются той точки зрения, что в монгольских языках наличествует такая же категория числа, как, например, в русском, и что она базируется

ся на противопоставлении двух грамматических форм – единственного и множественного числа. В русском и, в частности, бурятском языках категория числа является не формально-грамматической, а лексико-грамматической категорией, в обоих языках соотносительные формы единственного и множественного числа, как правило, имеют лишь существительные с конкретным, предметным значением, тогда как многие существительные в этих языках употребляются преимущественно в единственном числе⁵. Разделяя последнюю точку зрения, подчеркиваем, что Ц.Б. Цыдендамбаев много способствовал выявлению специфики этой категории в монгольских языках, в том числе в старописьменном монгольском языке, что имеет важное значение для разработки нашей темы.

Однако Ц.Б. Цыдендамбаев и другие исследователи дали обзор форм множественного числа бурятских летописей в целом. Мы же в данной статье ставим перед собой задачу конкретно и подробно рассмотреть формы множественного числа лишь одной бурятской летописи – летописи В. Юмсунова "Qori-yin arban nigen ešige-yin jon-u цу ijaγur-un tuγuji" (История происхождения народа одиннадцати хоринских родов, 1875).

В этой летописи категория множественного числа представлена посредством ряда показателей, таких, как -s, -d, -ud/-üd, -nud/nüd, -nar/-ner, -tan/-ten, и некоторых единичных показателей: -lid, -mad, -siγul, что касается единственного числа, то оно, как и в бурятском языке, формально совпадает с основой, являясь по содержанию категорией единственного числа, выраженной нулевой формой.

I. Показатель -nud/-nüd (в классическом монгольском языке -nuγud/nüγüd). Зафиксировано 128 случаев употребления данного форманта.

Г.И. Рамстедт считает его возникшим от древнейшего образования множественного числа -t, -ut/-d, -ud путем добавления вставочного соединительного -n⁶.

Этот формант, по-видимому, был наиболее универсальным показателем множественности в разговорном бурятском языке XIX в., вероятно, поэтому он часто встречается и у Юмсунова.

В нашей хронике данный формант активно использован после

* Нами зафиксированы все случаи употребления показателей множественности в летописи, они составляют 669 карточек.

основ, оканчивающихся на: а) гласные - garu-a-nud [с. 158] 'сани'; б) дифтонги - qaryui-nud [с. 180] 'дороги'; в) неустойчивый -n - egeljiyen-nud [с. 157] 'казенные наряды'.

Кроме того, отмечены случаи употребления форманта -nud/-nüd после сонорных согласных: в основах на -r - qouar surjuli-yin ger-nüd [с. 163] 'два школьных здания'; в основах на -l - olan jil-nüd [с. 148] 'много лет', ayil-nud [с. 141] 'семьи'.

Примеры из текста показывают, что формант -nud/-nüd использован при основах с конечными гласными a, i, ü, e, o, uu (32 примера), дифтонгами ya, ye (10 примеров), неустойчивым -n (3 примера), сонорными согласными r (42 примера) и l (41 пример).

Прослеживаемая в языке летописи В. Юмсунова тенденция к активному употреблению разговорного варианта классического -nuud/-nügüd - показателя -nud/-nüd после основ на гласные, дифтонги и сонорные прочно закрепилась в грамматике современного литературного бурятского языка, в котором суффикс -нууд/-нууд отмечается как один из наиболее употребительных, выражающих неопределенное множество⁷, например, ханданууд 'горы', баатарнууд 'богатыри' и т.д.

2. Показатель -ud/-üd также один из наиболее употребительных показателей множественности, встречающихся в тексте В. Юмсунова. Отмечено 168 случаев с данным формантом.

В классическом монгольском языке формант -ud/-üd, как правило, присоединяется к основам, оканчивающимся на согласные, в том числе на сонорные r, l: yal-ud от yal 'огонь', ger-üd от ger 'дом', mal-ud от mal 'скот'. Но в данном тексте, как отмечалось выше, после этих сонорных чаще встречается показатель -nud/-nüd, нежели -ud/-üd.

Фактический материал показывает, что формант -ud/-üd в хронике отмечается после основ, оканчивающихся на согласные:

а) -y/-g (99 примеров) - ayuyin otuy-ud [с. 166] 'агинские роды', ros qasaу-ud [с. 133] 'русские казаки', Jebceg-üd [с. 157] 'оружия' и др.; б) -ш (26 примеров) - jam-ud [с. 162] 'дороги' и др.; в) -ng (21 пример) - ang-ud [с. 151] 'дикие звери'; г) -a (9 примеров с основами ros, ulus) - ros-ud [с. 152] 'русские', ros ulus-ud [с. 117]

'русский народ'; д) -l (8 примеров с основой mal) - mal-ud [с. 136] 'домашний скот'. Кроме того, данная основа отмечается в 10 случаях с показателем -nud; е) -n (4 примера) - on-ud [с. 168] 'годы', baraγan-ud [с. 162] 'грузы'. Показатель -ud/-ūd с основой на l зафиксирован в одном случае: 13 niγur-ud [с. 127] '13 лиц', эта же основа отмечается с формантом -nud в 3-х случаях - 19 büged uqajan ba γidal-tai niγur-nud-i 'выбрав 19 умных и способных лиц'.

Приведенный выше материал свидетельствует, что в языке летописи В. Юмсунова продолжало действовать письменно-монгольское правило употребления форманта -ud/-ūd, но оно нарушалось после сонорных согласных r, l. Словоформы mal-nud и mal-ud встречаются в пределах одной главы (9 гл.), даже одного параграфа (§3), причем превалирует форма mal-nud. Как считают исследователи языка бурятских хроник, параллельное употребление показателей -ud/-ūd и -nud/-nūd после основ на сонорные r, l зависело от автора письменного памятника, который стремился придерживаться письменно-монгольской традиции, но иногда отходил от нее под влиянием живого произношения.

В рассматриваемой хронике показатель -ud/-ūd следует за основами, оканчивающимися на согласные γ/g, m, ng, s, l, n, r, причем финаль γ/g явился самым продуктивным.

В современном бурятском языке суффикс -ууд/-ууд прибавляется к основам с конечными согласными б, в, г, д, з, м, н, п, с, ф, ц, х⁸.

Долгота гласного в данном суффиксе образовалась, как пишет Г.Д. Санжеев, в результате трансформации краткого гласного и/и, так как на него падало динамическое или музыкальное ударение⁹.

В основах с заднеязычным γ ng перед формантом -ud/-ūd при звуковой реализации проступает различимый γ: ang-ud [aγud], vaγ-ud [vaγud], который в комплексе с -ud/-ūd образовал, по видимому, суффикс -гууд/-гууд, употребляющийся в современном бурятском¹⁰, монгольском¹¹ языках: ангууд 'дикие звери', дэн-гууд 'свечи'; дугуйлангууд 'кружки' (монг.). Данный формант не встречается в летописи В. Юмсунова, но был отмечен в монгольском памятнике письменности XIII в. - летописи "Алтан тобчи" - после основ на -ci/-γci: alaγciγud qonid 'пестрые овцы', qaraγciγud qonid 'черные овцы'¹².

3. Показатель -nar/-ner в письменном монгольском языке имел известное ограничение: присоединялся к основам, обозначающим только лиц.

В тексте В. Юмсунова насчитывается 139 примеров с указанным формантом, из них в 64 случаях -nar/-ner следует за именами, обозначающими не-лица, а в остальных 75 примерах он использован по правилам классического монгольского языка.

Данные основы входят в различные лексико-семантические поля (ЛСП), охватывающие:

1) категории людей а) по возрасту - nirai nilq-a-nar [с. 153] 'младенцы, новорожденные', ür-e-ner [с. 126] 'потомки'; б) по родственным отношениям aq-a degüü-ner [с. 59] 'братья', ecige-ner [с. 56] 'отцы', küü-ner [с. 142] 'сыновья'; в) по роду занятий - böge-ner [с. 91] 'шаманы', böge iduyan-nar [с. 92] 'шаманы и шаманки', qara baysi-nar [с. 66] 'светские учителя', ros emçi-ner [с. 154-155] 'русские лекари', smotriitil-narun [с. 158] 'смотрители' (в рож н.), blam-a-nar [с. 73] 'ламы', emçi blam-a-nar [с. 155] 'ламы-лекари', dis blam-a-nar [с. 74] 'вице-ламы', stad blam-a-nar [с. 72] 'штатные ламы', gebši garamba gablu-nar [с. 79] 'гэбши, гарамбы, габжы' (саны и степени лам); г) по общественному положению - albatu-nar [с. 58] 'подданные', otuy büri-yin xoluba-nar [с. 72] 'головы (главы) каждого рода', diputad nar [с. 118] 'депутаты', jon-u dobiirnoi-nar [с. 72] 'доверенные народа', dümeysin jasidatıl-nar [с. 72] 'думские заседатели', aqalayci tayisa-nar [с. 72] 'главные тайши', did tayisa-nar [с. 77] 'вторые тайши', sayid-nar [с. 125] 'сайты';

2) род, клан, семью - ger büle-ner [с. 167] 'семьи', ayimaх büle-ner [с. 165] 'родовые семейства', ayıl-nar [с. 154] 'семьи', aju-yin otuy-nar [с. 169] 'агинские роды', после этой основы автор варьирует форманты -ud и -nar: в 8 случаях пишет otuy-ud¹³, лишь в 3-х - otuy-nar¹⁴;

3) этнонимы - huriyad-nar [с. 91] 'буряты',
mongyol-un ulus-nar [с. 66] 'монгольские
народы (монголы)';

4) ЛСП "деятельность человека" составляют имена, заимствованные из русского языка и обозначающие новые понятия и предметы: stepnoi düm-e-ner [с. 91] 'степные думы', üorud-nar [с. 156] 'города', fabud-nar [с. 147] 'заводы', yeqonomiisishoi mangajji-nar [с. 147] 'экономические магазины', masiina-nar [с. 162] 'машины', gemten-ü pa-a-rti-nar [с. 150] 'партии осужденных', verstavoi stoolbu-nar [с. 161] 'верстовые столбы' (хотя здесь же встречается словоформа с -nud-stoolbu-nud [с. 161]), surxuli-nar [с. 142] 'школы', inorodnoi uprava-nar [с. 120] 'иностранные управы', 37 roduboi upravliini-nar [с. 166] '37 родовых управлений', sang-un qaĵangšiištva-nar [с. 149] 'государственные казначейства', qarbuĵa-nar [с. 163] 'карбасы', qongpiled-nar [с. 75] 'комплекты', qoopi-nar [с. 91] 'копии', qajiyur-nar [с. 143] 'косы', ciliini-nar [с. 139] 'селения';

5) ЛСП "рельеф" образуют некоторые имена географических объектов, имеющих, по понятиям монголоязычных народов, зээнв или являющихся местопребыванием тэнгриев: tere dalai-yin urida qoyitu bey-e-ber bayıısan youl yorigod, ayula-nar-tu bayir-a-tai tngri-yin köbegüd [с. 94] 'сыновья тэнгриев, имеющих местопребывание у рек, ручьев, в горах по северному и южному берегам этого моря', ayula kübci-ner [с. 151] 'горные цепи, хребты', Ümekei-yin kündüi-ner [с. 59] 'пади Умэхэй' (куда были сброшены трупы улятских тунгусов и хоринских бурят после кровавого побоища), rašiyan-nar [с. 155] 'аршаны' - минеральные источники;

6) к ЛСП "духовная культура" относятся такие имена: tngri-ner [с. 92] 'тэнгрии', güm-e-ner [с. 65] 'храмы, монастыри', tuıuıji-nar [с. 53] 'повествования (о высоких особах - монгольских ханах).

Исходя из вышеизложенного, можно отметить, что в летописи В. Юмсунова формант -nar/ner в большинстве случаев использован по установленному канону, т.е. с именами, обозначающими лиц. Те же имена, которые обозначают не-лица, но содержат данный показатель, так или иначе логически связаны с человеком, его деятельностью, духовной культурой, наиболее почитаемыми им предметами.

Подобные примеры, как нам кажется, следует отнести к элементам почтительного стиля. Это явление не отразилось в норме современного литературного бурятского языка: суффикс -нар/-нэр употребляется строго с именами, обозначающими лиц, и имеет оттенок уважительности¹⁵. Кроме этого, основы с финалью д, л, н приобрели суффиксы -ууд/-ууд, -нууд/-нууд: айлнууд, буряадууд, делугадууд, заседательнууд, смотрительнууд, удаганууд, но допускается өөе удаганар.

4. Показатель -s является одним из древнейших формантов множественности¹⁶. В современном бурятском языке он не употребителен. Исследователи квалифицируют названный показатель как "исчезающий и редко употребительный" даже в халхаском диалекте¹⁷.

Если в "Алтан тобчи" этот формант встречается довольно часто¹⁸, то в исследуемой бурятской летописи зафиксирован лишь в 20 случаях после основ, оканчивающихся на гласные u, e:

olangki jalayus bolun nilq-a ulus-
nar [с. 154] 'многие молодые (люди) и новорожденные',

laysin belges [с. 56] 'телесные признаки',¹⁹

qasa| tala-yin yekes noyad [с. 72] 'казацки
крупные чиновники', qoyitus sa|ud [с. 171]

'будущих времен', а также на согласные -n, -r, которые при до-

бавлении форманта опускаются: olan mo-
ris-i subarayulan [с. 149] 'выстраивая много лошадей в цепь'

(5 примеров). Данное слово встретилось в единичном случае с

показателем -d: morid-iyar ter-
ge sar|a-du külelen [с. 150] 'запрягая лошадей в телеги и са-

ни', а также с комбинацией формантов множественности (-s+ud):
terge sar|a-du moris-ud-l kü-
lel|ü [с. 145] 'запрягая лошадей в телеги и сани' (3 примера),

* Здесь и далее значения слов даны по указанному словарю.

ri-yin nijged sayid-nar nöküs-tei-ber [с. 134] 'по одному сайту от каждого рода с товарищами' (2 примера); приведенная основа имеется в 2-х случаях с показателем -d: tegün-ü nöküd 77 šiqar-nud [с. 93] 'его товарищи - 77 сахаров'.

Вышеуказанные примеры с прилагательными (jalayus ulus-nar, уекев поуад, qoyitus сау-ud) свидетельствуют, что в летописи наблюдается согласование в числе определяемого и определения. Такое явление изредка можно встретить в разговорной речи современных бурят, хотя по нормам литературного языка определение не маркируется: залуу басагад 'молодые девушки', ехэ гэрнууд 'большие дома', хойто сонхонууд 'северные окна'. А слова morin, nökür в современном состоянии употребляются только с суффиксом -d: морид, нухэд.

Варьирование показателей -в и -d после одних и тех же основ в хронике В. Юмсунова отражало наметившуюся в разговорном бурятском языке тенденцию постепенной замены форманта -s другими, такими, как -d, -nud/-nüd. В начальный период становления нового литературного бурятского языка отмечалось, что "суффикс -в в общем является формой СЛЯ и в НЛЯ мало употребителен, вместо него употребляются суффиксы -uud/-ууд или -nuud/-нууд: bodonuud, bejenuud, nilkanuud, uјenuud, nokoinuud и т.п."²⁰

5. Показатель -d - один из самых продуктивных формантов множественности в монгольских языках, употребляющийся после основ на -n, -r, -l, -sun, которые при наращении форманта -d выпадают, а также на -ši и конечные гласные.

В летописи В. Юмсунова -d относится к разряду наиболее употребительных. Отмечено 80 примеров с указанным формантом в основах, предусмотренных правилами классического письменного монгольского языка, а именно: а) с неустойчивым -n - асіуад от асіуан 'груз, багаж', ејид от ејин 'хозяин', халауад от халауан 'гусь', хориқад от хориқон 'речка', ебүгед от ебүген 'старец', мергед от мерген 'ученый, остроумный' в значении 'мудрецы, ученые', modud от modun 'дерево', морид от morin 'конь', поуад от поуан 'князь', оруд от орул 'страна, государство', онгюд от онгюн 'онгон',

qajad от qayan 'хан', köbegüd от köbegün
 'сын, мальчик', silayud от silayun 'камень, минерал',
 sibuyud от sibayun 'птица' и др.; б) с -г - две ос-
 новы, одна с разночтениями - уajad от уajar 'земля,
 местность; учреждение' (4 примера), jajid (5 примеров),
 уajar-nud (14 примеров), noküd от nokür
 'друг, товарищ'; в) в единичном случае встретилась форма мно-
 жественности основы на -l - түsimed от түsimel 'чи-
 новник'; г) с конечными гласными -а, -е, -у -i -
 ulajad от ula-a 'подвода', üniyed от üniy-e 'коро-
 ва', düüsid от рус. 'душа', busud от busu
 'иной', mönggüd от mönggü 'серебро, деньги'; д) с
 -sun - adajusud от adajusun 'скотина, скот',
 arisud от arisun 'шкура, кожа', jiyasud
 от jiyasun 'рыба', qubcasud от qubcasun 'одеж-
 да', вместе с тем автор иногда пишет qubcad, что
 соответствует нормам классического монгольского письма; е) -d
 принимают, как отметил А. Бобровников²¹, производные через
 наращение -ci. В тексте подобных примеров насчитывает-
 ся около 20: gegcid от gegci 'именуемый',
 wakiycid от wakiyci 'стража', sungxaydaycid от
 sungxaydayci 'выборный', tariyacid от tariyaci
 'земледелец, крестьянин', ulayacid от ulayaci
 'ямщик', kemegcid от kemegci 'так называемый',
 yabudalcid от yabudalci 'проезжий'. Здесь объе-
 единены разные группы слов - показатели подлежащего, причастия,
 имена существительные; ж) интересно слово-калька busutürülted
 от рус. 'инородцы', где формант собирательности
 -ten приобрел, по-видимому, дополнительный показатель множе-
 ственности -d; з) активно используется лексикализованная фор-
 ма множественного числа sayid 'чиновник, министр' от
 sayin 'хороший', которая для оформления множественно-
 сти требует дополнительный показатель: sayid-nar
 'министры, чиновники'; и) употребительна множественная форма
 местоимения öbesün 'сам': öbesüd
 и öbersed.

Как видно из примеров, автор бурятской летописи в основном
 придерживается норм классического письма в употреблении пока-
 зателя -d, но допускает некоторые отступления, в частности,

варьирует -d и -nud в слове yaɣar, в основах с конечным -vud при наращении -d убирает только -n, хотя по правилам -vud должен выпадать полностью: ср. qubcad и qubcasud (автор употребляет параллельно обе словоформы).

В современном литературном бурятском языке суффикс -д присоединяется к именам, оканчивающимся на неустойчивый -n, иногда на дифтонг, а также к именам с имобразующим суффиксом -гша/-гшэ, собирательным суффиксом -тэн: шубууд от шубуун 'птица', хурагшад от хурагша 'учащийся', эрдэмтэд от эрдэмтэн 'ученый, ученые' (здесь у суффикса -тэн стерто значение множественности).

6. Показатель -tan в монгольских языках обозначает категорию животных и людей²².

Монголоеды, отмечая общее значение собирательной множественности этого показателя, расходятся в вопросе о его происхождении²³.

Вслед за Г.И. Рамstedтом, Г.Д. Санжеевым, Т.А. Бертагаевым, М.Н. Орловской мы считаем, что суффикс -tan является исторически цельным и неразложимым: данный суффикс употребляется в дунсянском языке со значением множественности и собирательности. Например: гагатан 'старший брат и другие' от гага 'старший брат', Јунусытан 'Юнус и другие' от Юнус (собст.имя)²⁴. В тунгусском - для обозначения множественного числа: aknil-ten 'старшие братья', в маньчжурском - в виде суффикса множественного числа -ta/-te²⁵.

В современном бурятском языке суффиксы -тан/-тэн, -тон принимают термины родства, личные имена, апеллятивные формы имен существительных, выражающие лицо, и некоторые имена прилагательные для обозначения семьи или рода того, кто назван производящей основой: нагасатан 'родственники по матери' от нагаса 'дед по матери', улаантан 'красные, красногвардейцы' от улаан 'красный'²⁶.

В летописи В. Юссунова формант -tan/-ten использован в 13 случаях для выражения: а) принадлежности к тем или иным группировкам носителей качества, обозначенного производящей основой: cidaltan [с. 153] 'зажиточные' от cidal 'сила, возможность, зажиточность' (с данным словом 8 примеров с разночтениями - cidal-tan [с. 152], cidaltan [с. 151]), buddha-a-yin sasin-tan [с. 69]

'буддистн', в словосочетании erdem-ten blaг-а-лар [с. 79] 'ученые ламы' от erdem 'учение, знание' данное слово употреблено в значении 'ученые', т.е. в атрибутивной функции, подобное сочетание встречается в современном монгольском языке - эрдэмтэн нарийн бичгийн дарга 'ученый секретарь', в современном бурятском языке атрибутивное значение 'ученый' несет слово эрдэмтэй; б) степени, обозначенной производящей основой: gegenten [с. 79] 'святейшество' от gegegen 'светлый, светлейший, святость; просвещенный; титул высших духовных особ' (употреблено для выражения лица в единственном числе, данный пример также относим к почтительному стилю, характерному для языка монголов эпохи средневековья), сereg-үн doudu jerge ten [с. 162] 'воинские нижние чины' от jerge 'сорт, разряд, класс, степеня; чин, ранг, достоинство'; в) значения 'и другие; и прочие тому подобные': teri-güten-iyer aryalaysayar [с. 154] 'некоторые выкапывали корешки трав и ели их, ими лечась и прочими тому подобными, они подолгу лежали и выздоравливали'.

Данные примеры показывают, что в летописи В. Юмсунова показатель -tan/-ten употребляется, в основном, для выражения коллектива носителей качества или степени, обозначенных производящей основой.

Кроме рассмотренных показателей, в тексте встречаются единичные случаи употребления показателей -lid, -mad, -siyul.

7. Показатель -lid: yeke bögelid [с. 96] 'большие шаманы', uridayin qaḡalid [с. 121] 'прежние ханы'. Архаичный -lid можно соотнести с бурятским суффиксом -aalin с обозначением группы лиц, связанных разными степенями родства или свойства, в котором ослабление значения множественности, возможно, требовало дополнительного форманта -d, при добавлении конечный -ng выпадал: *qaḡaling + -d > qaḡalid, *bögeling + -d > bögelid. В фольклорных текстах западных бурят встречается слово хаалингууд в значении 'ханы', что соответствует ст.-пис.монг. *qaḡaling-ud. Нам представляется, что словоформы qaḡalid и qaḡaling-ud содержат одну основу, но разные форманты множественности и обозначают лиц, связанных различными степенями родства с ханской династией.

8. Показатель -mad: ros-un aqamad [с. 156] 'русские власти'. Хотя aqamad означает 'старшие; главный; старейшина; начальство', в летописи чаще употребляется в сочетании degedü aqamad [с. 118] 'высшие власти, начальство'.

В современном бурятском языке оно встречается в сочетаниях ахамад агроном 'главный агроном', ахамад мелиоратор 'главный мелиоратор' и т.д.

9. Показатель -siyul отмечен в единичном случае: 99 darqasiyul [с. 93] '99 кузнецов' от darqan 'кузнец; умелый, искусный'.

В письменном-монгольском языке известен суффикс -сүд/-сүд, образующий множественное число от ограниченного количества основ, обозначающих различные категории людей и оканчивающихся на гласные и -а. С его помощью образуются не столько формы множественности, сколько имена собирательные: baḡa + -сүд > baḡасүд 'ребята, малыши', ḡalaḡu + -сүд > ḡalaḡусүд 'молодежь' и т.д.

В данной летописи указанный формант отражен в виде -siyul. Интересно, что в языке хамниганов Читинской области встречаются варианты -чуул/-чуул и -чууд/-чууд²⁷, хотя в других бурятских говорах употребляется вариант -шуул/-шуул с оттенком собирательности, который представляет современный вариант -siyul: наһатайшуул < наһатай 'пожилой', һайшуул < һайн 'хороший, лучший', муушуул < муу 'плохой' (охранное, если подразумеваются малыши).

По мнению Ц.Б. Цыдендамбаева, употребление дополнительных показателей множественности в бурятских хрониках связано с влиянием разговорного языка бурят²⁸. В целом употребление показателей множественности в летописи В. Юмсунова носит весьма пестрый характер: от разных основ формы множественности образуются по-разному.

К особенностям употребления формантов множественности в летописи следует отнести случаи оформления определяемого показателем при наличии количественного определения, выраженного числительным или другой частью речи. Таких примеров около 60, например: а) атрибут выражен числительным (A + S -d)^{*}:

В данной формуле A означает определение (атрибут), S - существительное (субстантив).

nige mingᠶan moris-i ergügsen bui
 [с. 158] 'была пожертвована тысяча лошадей', (A + S -nüd) -
 99 kükür-nüd [с. 93] '99 хухуров', 990
 144 bay-a süm-e-nüd [с. 84] '144 малых храма'
 (7 примеров), (A + S -ud) - 8 dasang-ud [с. 163]
 '8 дацанов', qaucin-u tabun tuy-ud-i
 [с. 132] '5 старых знамен' (14 примеров), (A + S -d) - 9 modud [с. 97] '9 деревьев', 902
 '13 нойонов', 9 öndüged [с. 96] '9 яиц', 09
 11 köbegüd [с. 56] '11 сыновей',
 2 qaraᠶulcid [с. 163] '2 сторожа' (13 примеров), (A + S -nar)
 2 baᠶsi-nar [с. 163] '2 учителя',
ros mongᠶol 8 bičigci-ner [с. 163] '8 русских и
 монгольских писарей', 3 mangaᠶinar-tai
bolbai [с. 149] 'появились 3 магазина', 84 sabi-
nar [с. 163] '84 ученика' (18 примеров); б) отмечено 7 приме-
 ров, в которых определение выражено словом olan 'много'
 (olan + S -d) - olan nöküd ᠶon-i
jarlan abdi [с. 151] 'создав многочисленных спутников',
olan nouad [с. 125] 'много нойонов',
olan түvimed jon [с. 64] 'множество сановников'; (olan + S
 -nar) - olan blam-a-nar [с. 66] 'много лам',
olan lovaᠶaᠭa-nar-i cuᠶlaᠶulan [с. 66]
 'собрав множество переводчиков',
olan бүle-ner-tei ügeküü jon-aᠰa [с. 158] 'из многосемейных бед-
 няков', olan ulus-nar gebši
garamba gabju boluᠶad [с. 79] 'многие стали гебши, аграмбами,
 габджу'.

Кроме этих примеров, встречаются случаи, когда определяемое
 при количественном определении не маркировано, но их всего 4:
 1 ᠶoluba 2 biiburnoi [с. 120] '1 голо-
 ва, 2 выборных', 2 qaraᠶulcin [с. 163] '2 сто-
 рожа', 77 köögücin [с. 93] '77 поддувальщи-
 ков', 7 širegetü-tei [с. 68] '7 ширетуев'.

Как видно из этих примеров, в сочетаниях (A + S + f.plur.)
 маркируются формантами множественности, в основном, имена, вы-
 ражающие лиц. Подобные комбинации ныне чаще встречаются в об-
 щественно-публицистическом стиле литературного бурятского языка

и разговорной речи: гурбан гэрнууд 'три дома', олон сэсэгууд 'много цветов' и т.д.

Наблюдается также согласование в числе определяемого и определения: sang-un yekes nouad-i üdüsikü uxtaqu [с. 158] 'проводить и встречать высокопоставленных лиц' (а также см. с.8). Как отмечают монголоеды, подобное явление характерно для первого этапа II периода (У в. - XIV в.) развития монгольского литературного языка и факультативно для второго этапа II периода (XIV в. - XVII в.)²⁹. В норме литературного бурятского языка оно не сохранилось, но допускается в разговорной речи: хайнууд морид 'хорошие кони', томонууд хубууд 'взрослые парни'.

Отмеченные моменты в бурятском языке можно объяснить сохранением этого реликтового явления, поддержанного влиянием русского языка, для которого согласование в числе является нормой и с которым бурятский язык функционирует в тесном контакте более трехсот лет.

Характерно для языка летописи В. Юмсунова употребление двойных показателей множественности: sayin gegsen moris-ud-iyar [с. 150] 'лучших коней' и др.

Как полагают исследователи бурятских говоров, комбинация формантов (-s + -ud) встречается ныне в некоторых западнобурятских диалектах в форме -нууд/-нууд, где *s > h*: моринууд 'кони', хонинууд 'овцы'³⁰, а также в хамниганском говоре: ухэсууд 'коровы', модосууд 'деревья'³¹. В восточнобурятских говорах употребляется составной суффикс (-д + -ууд/-ууд) > -дууд/-дууд: хубуудууд 'сыновья, ребята', басагалууд 'девочки, девушки', а в разговорной речи монголов - (-д + -ууд) > -дууд, (-с + -ууд) > -сууд: нехдууд 'друзья, товарищи', эрсууд 'мужчины', хумуусууд 'люди'³².

Употребление двойных суффиксов, характерное для всех монгольских языков, исследователями определяется как типологическая черта, свойственная многим агглютинативным языкам³³.

А теперь рассмотрим те случаи в хронике В. Юмсунова, которые считаются отклонениями от норм классического монгольского языка, но утвердившимися в качестве норм современного литературного бурятского языка: а) употребление -nud/-nüd (разговорного варианта -nuud/-nügüd) после сонорных *r, l* вместо -ud/-üd: Ayu Onong youl-nud-iyar [с. 164] 'по рекам Ага и Онон', ср. ст.-пис.монг. youl-ud, совр. монг.

голууд, совр. бур. голнууд, Niicinggü Arkiirei Saγca naγur-nud [с. 148] 'озера Исинга, Аркирей; Шакша', ср.ст.-пис.монг. naγur-ud, совр. монг. нуурууд, совр. бур. нуурнууд; б) употребление -nud/-nüd вместо -d: ali zayin urγusu-tai jaγar-nud-tu negüüdel kiγü [с. 142] 'кочуя по тем местам, где хорошее пастбище', ср.ст.-пис.монг. jaγar-nud, совр. монг. газрууд, совр.бур. газарнууд; в) образование множественной формы от основ на -san наращением -d вместо только конечного -n: bori ang-un arisu-yi eldeγü qubcasud-i kikiü [с. 143] 'дубил шкуры простых зверей и изготовлял одежду', ср. ст.-пис.монг. qubcad, совр.монг. хувкас, совр.бур. хубсаhad или хубсаhanууд.

Также отметим те случаи употребления формантов множественности в тексте, которые не характерны как для норм классического монгольского, так и современного бурятского языков:

а) употребление -nar/-ner с именами, обозначающими не-лица:

masiina-nar [с. 162] 'машины' вместо ожидаемого masiina-nuγud, ср.совр.монг. машинууд, совр. бур. машинанууд;

б) употребление форманта -в после основ на -n: moriv [с. 60] 'кони', ст.-пис.монг., совр. монг. морид, совр.бур. морид;

в) в слове nökür - γalγanob-un nöküs-tei-yin [с. 125] 'для секретаря Глазунова с его спутниками', ср.ст.-пис.монг. nöküd, совр. монг. нехэд, совр.бур. нухэд.

Таким образом, рассмотренный материал позволяет заключить, что в языке летописи В. Юсунова ощущается заметный сдвиг в употреблении показателей множественности в сторону современных языковых норм. Следует отметить, что в данной хронике представлены все форманты множественности, имеющиеся в классическом монгольском языке, а также ряд дополнительных показателей. В то же время в ней не получили отражения некоторые позднейшие новообразования, употребляемые в современном бурятском языке, такие, как -гууд/-гүүд (были утверждены после реформы 1936 г.)³⁴, -над/-нэд, -нод, -шууд/-шүүд, -н.

¹ См.: Доржиев Д.-Н.Д. Язык старомонгольской письменности Бурятии: Рукопись канд.дис. - Библ. им. В.И. Ленина, шифр ДК 55-10/750; Цыдендамбаев Ц.Б. Бурятские исторические хроники и родословные. - Улан-Удэ, 1972.

- 2 См.: Доржиев Д.-Н.Д. Язык старомонгольской письменности Бурятии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М., 1955. - С. 10.
- 3 См.: Цыдендамбаев Ц.Б. Указ. соч., с. 327-336.
- 4 См.: Цыдендамбаев Ц.Б. Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном освещении. - М.: Наука, 1979. - С. 7-13, 26-36.
- 5 См.: Сажинов Ж.С. Сопоставительная грамматика русского и бурятского языков (морфология). - Улан-Удэ, 1984. - С. 10-13.
- 6 См.: Рамстедт Г.И. Введение в алтайское языкознание. - М., 1957. - С. 57-58.
- 7 См.: Цыдендамбаев Ц.Б. Указ. соч., с. 32.
- 8 См.: Грамматика бурятского языка. - М.: Изд-во вост. лит-ры, 1962. - С. 73.
- 9 Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. - М.: Изд-во АН СССР, 1953. - С. 129.
- 10 См.: Грамматика бурятского языка. - М.: Изд-во вост. лит-ры, 1962. - С. 73.
- 11 См.: Монгол хэлнүүдийн харьцуулсан хэл зүй. - Улаанбаатар, 1985. - С. 95.
- 12 См.: Орловская М.Н. Язык "Алтан тобчи". - М.: "Наука, 1984. - С. 57.
- 13 См.: Летописи хоринских бурят // Тр. Инст. востоковед. - Вып. I. - М.-Л., 1935, с. 62, 80, 118, 132, 137, 165, 166, 170.
- 14 См.: там же, с. 119, 164.
- 15 См.: Дугар-Жабон Д.Д. Буряад хэлэн. Нэгэдэхи хуби. - Улан-Удэ, 1964. - С. 78.
- 16 См.: Рудов Л.Н. Проблемы киданьской письменности // Советская этнография. - 1963, № I. - С. 57.
- 17 Санжеев Г.Д. Указ. соч., с. 132.
- 18 См.: Орловская М.Н. Указ. соч., с. 55.
- 19 Бимбаев Р. Монгольско-русский словарь. - Троицкосавск, 1914. - С. 107, 97.
- 20 Барадин Б. Краткое руководство по грамматике и графетике нового бурят-монгольского литературного языка. - Верхнеудинск, 1931. - С. 46.
- 21 Бобровников А.А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. - Казань, 1849. - С. 84.
- 22 Санжеев Г.Д. Указ. соч., с. 133-134.
- 23 См.: Орловская М.Н. Указ. соч., с. 58.
- 24 Тодаева Б.Х. Дунсянский язык. - М., 1961. - С. 19.
- 25 См.: Рамстедт Г.И. Указ. соч., с. 59.
- 26 Цыдендамбаев Ц.Б. Указ. соч., с. 30.
- 27 См.: Ламдинов Д.Г. Предварительные данные о языке хамниганов Читинской области // Краткие сообщения БКНИИ. - Вып. 4. - Улан-Удэ, 1962. - С. 136.

28 См.: Цыдендамбаев Ц.Б. Бурятские исторические хроники и родословные. - Улан-Удэ, 1972. - С. 332.

29 См.: Дубсандэндэв А. Формирование монгольского национального литературного языка// Олон улсын монголч эрдэмтний Ш их хурал. П боть. - Улаанбаатар, 1977. - С. II-I2.

30 См.: Алексеев Д.А. О некоторых показателях множественности в бурят-монгольском языке// Сборник трудов по филологии. - Вып. I. - Улан-Удэ, 1948. - С. 123.

31 См.: Дамдинов Д.Г. Указ. соч., с. 136.

32 См.: Цэдэндамба Ц. Очерки по сопоставительной грамматике русского и монгольского языков. - Улан-Батор, 1974. - С. 28 (прим.).

33 См.: Благова Г.Ф. Комбинация аффиксов множественности - исконно алтайская константа или типологический параллелизм// Проблема общности алтайских языков. - Л.: Наука, 1971. - С.361.

34 См.: Шагдаров Л.Д. Становление единых норм бурятского литературного языка в советскую эпоху. - Улан-Удэ, 1967. - С.52.